

Церковь Власия в Новгороде.

Часть первая: структура

© 2023

УДК 27.523(470.24-25)
ББК 85.11(2)
С28

Поступила в редакцию 31.10.2023

Церковь Святого Власия в Новгороде когда-то стояла на Волосовой улице средневекового Новгорода, названной так по имени храма. Этот храм сохранился, в конце XVIII в. во время перестройки уличной сети города он оказался на небольшой площадке, отмечающей развилку улиц (Большой и Малой Власьевских). Он был сильно перестроен в XVII–XVIII вв., пострадал во время Великой Отечественной войны, а в 1954–1956 гг. был исследован и вслед за тем отреставрирован полностью по проекту архитектора-реставратора Д.М. Фёдорова. В результате этой реставрации было выстроено существующее завершение храма (со сводами рукавов креста и барабаном), а весь его объем получил нынешний вид, который во многом является следствием тщательного натурального изучения кладок и деталей, но примерно в той же мере принадлежит уже художественному видению архитектора, готовившего храм не только к музейному показу, но и к его важной градостроительной роли в панораме и застройке Софийской стороны Новгорода. Храм получил законченность и выразительность, которые во многом не были основаны на фактических данных, а опирались на аналогии и архитектурское «видение».

Храм Власия был построен в камне в 1407 (6915) г. Об этом сообщает Новгородская первая летопись: «Поставиша церковь камению святыи Власей в Людине конце» [ПСРЛ. Т. 3. С. 400]; в летописи Авраамки и Новгородской Карамзинской летописи в качестве обозначения места храма называется не Людин конец, а Волосова улица: «Того же лета поставиша церковь камению святого Власья, на Волосове улице» [ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 405; ПСРЛ. Т. 16. С. 156; ПСРЛ. Т. 42. С. 94; ПСРЛ. Т. 43. С. 166].

Церковь Власия в конце XV столетия была собором, как будто возглавляя все храмы Людина конца, на площадке хор в это время был придельный храм

Иоакима и Анны: «А 3-й собор Власей святыи на Волосове улице, а на полатех Аким Анна» [Янин, 1976. С. 112; Андреев, 1989. С. 221]. В конце XVI в., в 1580-е гг., церковь Власия была ружной и получала средства из казны, она значилась в Гончарском конце (это второе название Людина конца): «К церкви Власия святого, что на Волосове улицы, попу Евстратью руги денег три рубли, дьячку Максимку Григорьеву иконнику двадцать пять алтын, понамарю Лучьке Карпову полтина, да на свечи за полпуда воску по торговой цене двадцать алтын. И всего к церкви Власия святого руги денег попу и дьячку и понамарю, и за воск четыре рубли и двадцать восемь алтын и две денги» [Запись о ружных церквах и монастырях, 1856. С. 30].

В росписи 1615 г. придел не упомянут: «На Волосове храм Власий, камен» [Опись Новгорода 1617 года, 1984. С. 325]; не назван он и в Описи 1617 г.: «Церковь камня священномученика Власия» [Там же. С. 85].

Примерно то же самое находим в Росписи Софийской стороны Новгорода 1632 г.: «От Прусские ж улицы до Волосовы улицы до каменные церкви Власия епископа через пустую Добрыню улицу пустых огородных мест 100 сажен. А от земляного от меньшого валу, от Новинского от первого быка, ото рву до тое церкви Власия епископа 35 сажен; а у Власия святого пенье есть» [Новгород Великий, 1988. С. 58].

Перед нами, таким образом, главный храм обширного Людина (он же, повторимся, Гончарский) конца, собор, воздвигнутый в камне сравнительно поздно, когда большинство церквей этого района уже были каменными. Мы вправе ожидать чего-то необыкновенного, но уже сама история этого каменного сооружения, настолько небогатая событиями, что он как будто выпадает из времени, служит примером завесы, не позволяющей нам видеть ни заказчиков храма, ни те причины, которые наконец подвигли их на сооружение каменного храма в родном конце. Обо всем этом можно только догадываться. Заметим, что храм не был расписан, как, впрочем, и многие другие новгородские каменные церкви этого времени. Нет следов росписей ни в церкви Покрова в Зверине монастыре (1399), ни в церкви Петра и Павла в Кожевниках (1406), ни в церкви Иоанна Милостивого в Воскресенском монастыре на Мячине (1422). Мы видим кладку из камня в стенах (известняк и ракушечник) и кладку из кирпича характерного размера, 6–6,5 × 14–14,5 × 28 см [Антипов, Соленикова, 1996. С. 123]. Кирпич использован в ответственных местах и в деталях: в лопатках, сводах, арках, окнах и порталах. Но, по сведениям новгородских реставраторов, в конхе апсиды и барабане использован и камень («плита»), что представляется исключением из местной обыденности [Гладенко и др., 1964. С. 229]. Все это говорит о том, что перед нами, хотя бы частично, памятник начала XV столетия, который пока не понят как пример архитектуры своего времени.

Церковь Власия не часто упоминается в научных работах по истории архитектуры, а если упоминается, то вскользь. Первый очерк истории и архитектуры этого храма принадлежит архимандриту Макарию, который описал здание и указал на пристройку к нему с запада придела Иакова Апостола в 1775 г., а также рассказал о возобновлении церкви в 1847 г.; в этом же труде

1

ил.1 Церковь Св. Власия. Вид с северо-запада. Рисунок из альбома «Виды новгородских церквей» Середина XIX в. РГБ

fig.1 Church of St. Blaise. View from the north-west. Drawing from the album "Views of Novgorod churches". The mid-19th century The Russian State Library

ил.2 Церковь Св. Власия. Вид с севера

fig.2 The church of St. Blaise View of from the north

ил.3 Церковь Св. Власия. Вид с юга

fig.3 The church of St. Blaise View of from the south

2

3

находим датировку разборки верха храма (1852), а также сообщение о том, что «четыре столба, на которых утверждён свод, остаются в целости» [Макарий, 1860. С.177–182].

Краткое упоминание о храме есть в путеводителе А.Строкова и В.Богусевича: «...внутри сохранились четыре столба и угловые своды. Фасады имеют древнее трехчастное деление с пилястрами и полопастным завершением. Барабан и четырехскатная крыша не древние» [Строков, Богусевич, 1939. С.120–121].

Как типичный памятник новгородского зодчества начала XV в. описывает церковь М.К. Каргер, который говорит о ней как о небольшой постройке с трехлопастными завершениями фасадом; тут же охарактеризовано восстановление сводов и купола «по незначительным следам», а также говорится об обнаружении и последующем восстановлении перспективных порталов [Каргер, 1961. С.147–148]. Заметим, что ученый хорошо знал процесс исследования и реставрации, поскольку в подписях на чертежах 1950-х гг. он значится консультантом проекта.

В большой статье новгородских реставраторов церковь упоминается несколько раз: как храм с остатками трехлопастного покрытия, как пример храма с притвором во всю ширину западной стены основного объема и, наконец, как образец храма с каменными сводами под хорами. Последнее указание сопровождается фотоиллюстрацией с изображением подпружной арки из кирпича, над которой есть участок свода из камня [Гладенко и др., 1964. С.224, примеч.118, 225, 228–229, 239, рис.24 на с.241]. Г.М. Штендер связал храмы Власия и Петра и Павла в Кожевниках с «архитектурой предыдущего периода», то есть второй половины XIV в. [Штендер, 1968. С.356].

В энциклопедическом очерке о храме содержатся сведения о его первом упоминании в 1165 г., а также отстройке этой деревянной постройки после пожара в 1184 и 1381 гг.; существующий каменный храм 1407 г. соотнесен с церквями Фёдора Стратилата на Фёдоровой улице (1360–1361) и Петра и Павла на Славне (1367), «характерной особенностью которых является умеренное использование декора, отсутствие пятичастной композиции окон и ниш над главным порталом, тенденция к однорядному расположению окон»; сообщается также о перестройке второй половины XVII в. и пристройке в 1775 г. с запада придела Апостола Иакова, а также о серьезной перестройке в середине — конце XIX в. [Гордиенко, Ядрышников, 2007. С.481]. Архитектура церкви и ее реставрация кратко охарактеризованы в другой энциклопедической статье [Кузьмина, 2014. С.171–172].

Небольшой обзор принципов реставрации храма дал Г.М. Штендер [Штендер, 1981. С.52–53], который рассматривал восстановление памятника Д.М. Фёдоровым как пример синтетической реставрации. Он писал о сохранности конструкций здания и методике его восстановления: «...в нем полностью остались столбы, подпружные арки с парусами и опорным кольцом барабана, все своды или их очертания, значительная часть древнего трехлопастного завершения стен. Было принято решение произвести целостную реставрацию с докомпоновкой барабана, от которой, казалось бы, также следовало бы воздержаться».

Полное восстановление храма было оправданно, по мнению Г.М. Штендера, градостроительной значимостью памятника для центра Новгорода: теперь он «композиционно формирует пространственную среду значительного района города». О реставрации храма рассказывает также В.А. Ядрышников, причем, вслед за Г.М. Штендером, он подвергает сомнению некоторые принципы и результаты этих работ [Ядрышников, 2017. С. 139–140].

Из-за очень беглого освещения архитектуры церкви Власия в научной литературе это памятник оказался как будто на периферии истории новгородского зодчества. Его объемно-пространственное решение, конструктивные формы и декор практически не разобраны, а потому не присутствуют в системе знаний об архитектуре начала XV в. Между тем памятник имеет ключевое значение хотя бы потому, что принадлежит к переходному времени, когда начали меняться формы, восходящие ко второй половине XIV в. Кроме того, этот храм можно сравнить с построенной за год до него церковью Петра и Павла в Плотниках. В этой статье мы хотели бы прояснить характер и значение церкви Власия в истории новгородской архитектуры начала XV столетия.

Для понимания достоверности существующих форм автор этой статьи обратился к чертежам архитектора Д.М. Фёдорова, хранящимся в архиве Новгородской научно-реставрационной мастерской. Имя этого реставратора редко упоминается в трудах по восстановлению новгородских памятников. Известно, что он работал в Новгороде в конце 1940-х — 1950-х гг., кроме исследования и реставрации церкви Власия он участвовал в изучении и реставрации Знаменского собора [Штендер, 1981. С. 66].

Статью о первоначальной архитектуре церкви Власия решено было разделить на две части: в первой рассмотреть структуру и композицию храма, в основном останавливаясь на достоверности тех или иных древних частей и их информативности. Во второй части работы предполагается исследовать сохранившиеся первоначальные элементы фасадного декора и сравнить их с одновременным декором других новгородских храмов.

Реставратор Д.М. Фёдоров создал несколько серий великолепных по графике чертежей, которые являются очень хорошим источником по архитектуре церкви Власия. Не менее важны обмерные чертежи В.Н. Захаровой, осуществившей обмер памятника в 1947 г. Мы попытаемся рассмотреть все эти чертежи так, как будто мы впервые знакомимся с памятником. При этом из общего массива графики мы отберем те чертежи, на которых наиболее ясно показаны основные конструктивные формы храма. Тем самым мы покажем его основные конструктивные формы, а потом, с опорой на понимание этих форм, сможем оценить значение и особенности этого храма.

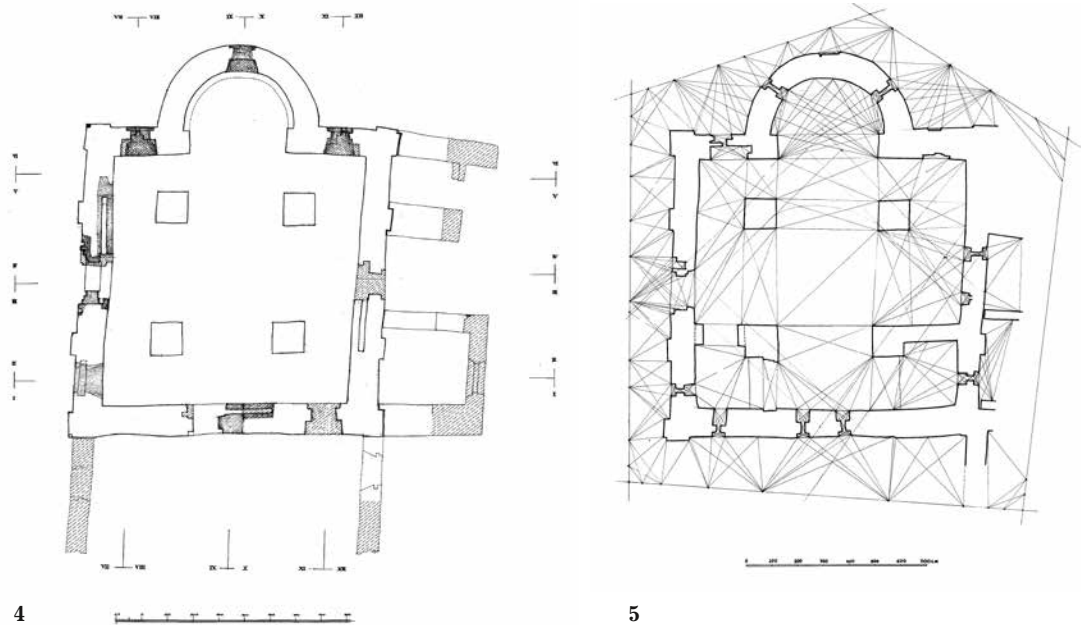
Мы знаем о том, что получилось в результате реставрации, но в своей работе стараемся не замечать созданного архитектором образа. Это делается для того, чтобы не попасть в зависимость от этих видимых теперь форм. Сейчас церковь Власия выглядит как мощный, хотя и небольшой, довольно коренастый храм с одной пластичной апсидой и мощным барабаном, увенчанным маковицей. На фасадах заметны лопатки, членящие фасады на три

прясла и стянутые сверху лопастными арками, на плоскостях между лопатками заметны готические стрельчатые порталы и небольшие окна. Облик храма сосредоточен, даже напряжен в своей несколько утрированной пластике. Все здание — прежде всего художественное произведение, довольно удачный пример реконструкции здания в натуральную величину с использованием стен подлинной постройки. Этот образ нельзя полностью верифицировать (мы не знаем и никогда не узнаем — какой был у этого храма барабан), но можно попытаться «проверить» подлинность основных форм и конструкций и осторожно предположить, каким могло быть то, первоначальное и подлинное здание, как оно воздействовало на зрителя.

План старой части постройки (а поздние пристройки были разобраны в 1947 г., до обмера этого года) показывает храм типа «вписанный крест» с четырьмя столбами и довольно массивной апсидой [ил. 4]. Восточные столбы и западные столбы сдвинуты к востоку, так что внутри западная треть увеличена, а восточная — сокращена. Положение столбов в целом не слишком соответствует положению лопаток, которых по четыре на каждом фасаде (на восточном лопатки начинаются с консолей над апсидой), за исключением восточного, где средних лопаток нет. Апсида не имеет валиков для аркатуры, то есть «валиковых разводов» здесь не было. В храм ведут три входа, расположенные примерно посередине фасадов (с севера, юга и запада), но есть еще и четвертый, дополнительный и необычный по своему положению дверной проем, прорезанный первоначально в южной трети западного фасада. Этот проем требует объяснения, возможно, он связан с каким-то приделом, но где располагался этот придел — из плана первого яруса неясно. Два первоначальных окна расположены в стенах восточного фасада по сторонам апсиды, они освещали дьяконник и жертвенник.

В целом план церкви Власия принадлежит к новгородской традиции своего времени, по размерам и расположению столбов (ширина — 11,8 м, длина — 12,03 м, вынос апсиды — 3,18 м, подкупольное пространство 3,8 (ширина) × 3,9 м; длина западной трети — 1,9 м, средней трети — 3,9 м, восточной — 1,45 м); по формам план церкви Власия близок к планам следующих новгородских церквей: Петра и Павла на Славне (1367), Рождества Богородицы Десятинного монастыря (1397) и Покрова в Зверине монастыре (1399), в то время как церковь Петра и Павла в Кожевниках (1406), в целом близкая по форме плана, несколько больше по размерам [Кузьмина, Петров, 1993; Кузьмина, Филиппова, 2000; Седов, 2011; Штендер, 1966; Шуляк, 1998. С. 49].

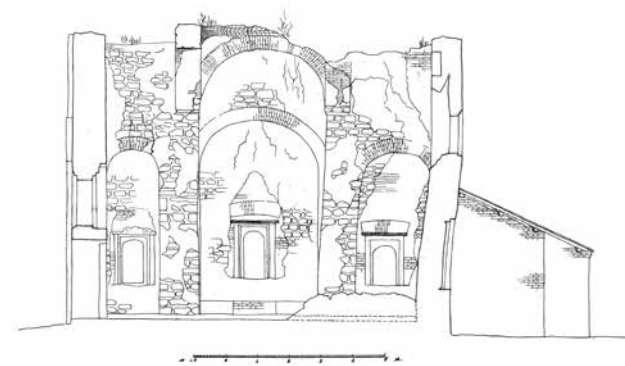
Второй ярус церкви Власия заслуживает отдельного внимания [ил. 5]: из чертежа этого уровня видно, что в западной части храма располагались хоры, южная треть которых была отрезана от южного рукава креста глухой стенкой. Можно с уверенностью говорить о том, что здесь располагался самый придел Иоакима и Анны «на полатех», упомянутый в конце XV в. Северная треть хор на уровне плана не слишком ясна, здесь к северо-западному столбу примыкали какие-то дополнительные стенки. Окна во втором ярусе были расположены следующим образом: в средних пряслах на западном, северном и южном

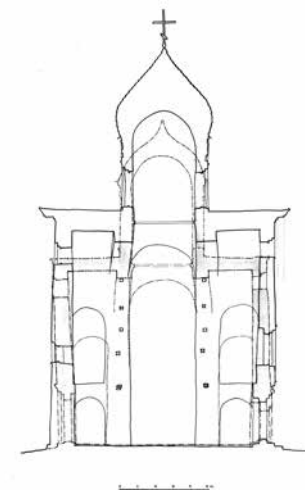
4

5

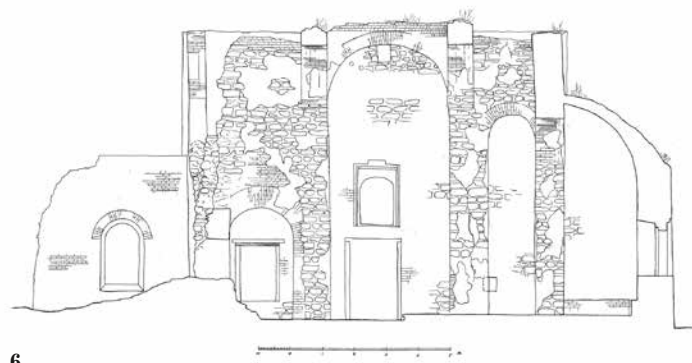
6

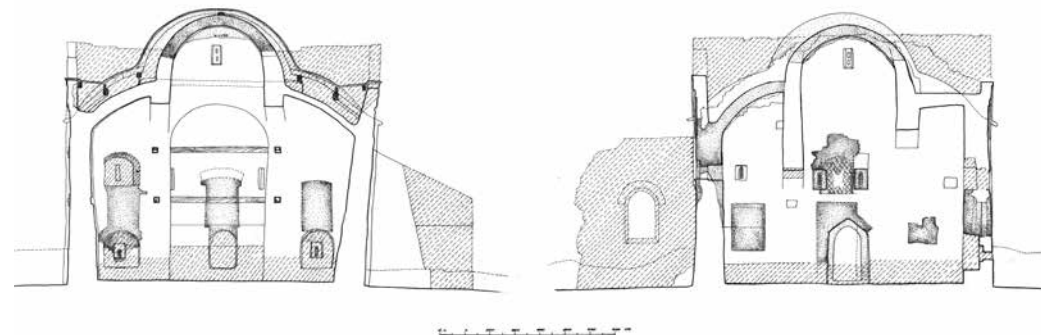
7

8

6

9а

9б

ил.4 План по нижнему уровню. Чертеж Д.М. Фёдорова, 1955

fig.4 Plan for the lower level. Drawing by D.M. Fedorov, 1955

ил.5 План второго уровня света (на отметке 2.08). Чертеж Д.М. Фёдорова, 1955

fig.5 Plan of the second level of light (at mark 2.08). Drawing by D.M. Fedorov, 1955

ил.6 Продольный разрез (III-III). Чертеж В.Н. Захаровой, 1947

fig.6 Longitudinal section (III-III). Drawing by V.N. Zakharova, 1947

ил.7 Поперечный разрез (I-I). Чертеж В.Н. Захаровой, 1947

fig.7 Cross section (I-I). Drawing by V.N. Zakharova, 1947

ил.8 Сравнение поперечных разрезов церквей Петра и Павла в Кожевниках (—) и Св. Власия (---) на Волосове улице. Чертеж Л.М. Шуляк, 1970

fig.8 Comparison of cross sections of the churches of Peter and Paul in Kozhevniky (—) and of St. Blaise on Volosov Street (---). Drawing by L.M. Shulyak, 1970

ил.9 Поперечный разрез по восточной трети с видом на восток (VI-VI, а) и продольный разрез по северной части с видом на север (VII-VII, б). Чертеж Д.М. Фёдорова, 1955

fig.9 Cross section along the eastern third with a view to the east (VI-VI, a) and a longitudinal section along the northern part with a view to the north (VII-VII, б) Drawing by D.M. Fedorov, 1955

фасадах было по два окна, придел в южной трети хор освещался только окном с юга, тогда как северо-западная треть хор имела окна и с севера, и с запада. Восточные прясла на боковых фасадах в этом ярусе не оставались глухими: в жертвеннике на этом уровне фиксируется окно, то есть здесь было два яруса света. В апсиде было только два окна, как раз в этом втором ярусе света.

На продольном разрезе [ил. 6] виден сохранившийся верх подкупольного пространства с тремя подпружными арками характерного коробового профиля и частью подкупольного кольца барабана (количество окон барабана так и остается неизвестным). Видны высокие арки от восточной пары столбов к восточной стене и почти вдвое более низкие арки от западных столбов к западной стене, что вызвано, естественно, наличием здесь площадки хор.

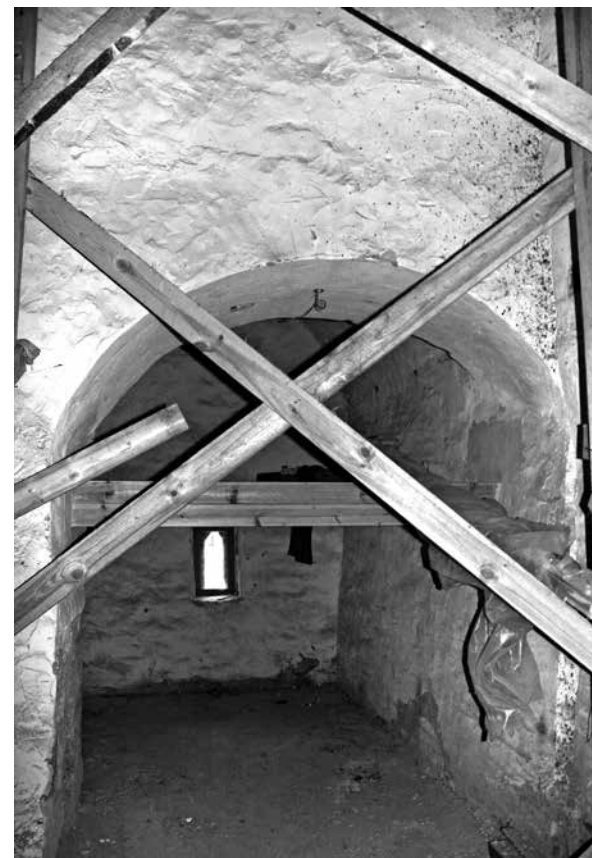
На поперечном разрезе [ил. 7] видно, что чуть менее высокие арки ведут в восточные угловые части со стороны северного и западного рукавов креста. Так что эти части в верхних частях освещались в основном из примыкающих рукавов. В целом этот разрез показывает невысокие пропорции храма, общая «рамка» этого сечения близка к квадрату, то есть ощутимо снижение вертикальности, храм уже никак нельзя назвать башнеобразным.

Для понимания системы света в этом храме важно, что третий уровень окон сохранился в северном, южном и восточном рукавах креста уже в люнетах полуциркульных сводов; в западном он мог быть, но стена здесь не сохранилась, а потому и архитектор, и исследователи вынуждены были его домысливать. Система света в этом памятнике в принципе родственна системе церкви Петра и Павла в Кожевниках (1406): три яруса световых проемов. Заметно уменьшение ярусов по сравнению с храмами Фёдора Стратилата на Фёдоровой улице (1360–1361) и Спаса-Преображения на Ильине улице (1374), в которых было четыре яруса.

Это уменьшение и квадратный образ поперечных разрезов храма Власия говорит если не о процессе упрощения, то о смене образа интерьера в сторону более спокойного и простого, что, при воспоминании об образцах 1360–1380-х гг., равняется все же упрощению. Изменение высотности очень хорошо показано на аналитическом чертеже Л.М. Шуляк, на котором даны наложенные друг на друга поперечные разрезы церкви Петра и Павла в Кожевниках [ил. 8], построенной за год до церкви Власия, и самой церкви Власия; здесь в клеймах даны и сравнения поперечных разрезов двух названных церквей, из которых следует, что небольшое наращение высотности в области сводов делает храм Петра и Павла еще вертикальным или башнеобразным, тогда как храм Власия выпадает из этой группы.

В восточной трети сохранились своды угловых помещений [ил. 9а]; это четвертные своды (полукоробовые), поднимающиеся от боковых стен к восточному рукаву креста, то есть расположенные традиционно для новгородской архитектуры XIII–XV вв., но довольно невысоко, в чем также можно видеть следствие снижения высотности.

Здесь следует сделать предположение о пропорциях церкви Власия, как об одной из исходных точек воздействия новгородской архитектуры на

ил. 10 Вид придела на хорах с севера

fig. 10 View of the choir gallery chapel from the north

псковскую. Дело в том, что псковские храмы в большинстве своем показывают кубические пропорции, близкие к тому, что мы видим в исследуемом храме 1407 г. Можно представить, что отделение псковской архитектуры приходится примерно на это время, то есть пропорции были восприняты от подобных новгородских храмов. Заметим также, что в Пскове все аркатуры на апсидах в один ярус, в чем можно также видеть влияние новгородской архитектуры конца XIV — начала XV в., когда двухъярусные аркатуры 1360–1370-х гг. вышли из обихода; подобные одноярусные аркатуры есть в следующих новгородских храмах указанного времени: Покрова в Зверине монастыре (1399), Петра и Павла в Кожевниках (1406) и Благовещения в (Старой) Руссе (1410).

На продольном разрезе по северной части храма Власия видно, что в западной трети помещение было перекрыто четвертным сводом, от которого сохранилось повышающееся к западу основание в северной стене [ил. 9б]. Подобное основание свода, поднимавшегося к востоку, сохранилось и в южном отделении хор.

Такое направление западных полукоробовых сводов совершенно неизвестно в других памятниках новгородской архитектуры. Обычно здесь и западные,

и восточные угловые части перекрываются подобными сводами так, что своды опираются на боковые стены и поднимаются к стенам, примыкающим к продольным рукавам креста. Так что в поперечном разрезе западная и восточная трети одинаковые, с подъемом полукобровых сводов по краям и кобровым сводом одного из продольных рукавов в середине. Своды западной и восточной третей, таким образом, соответствуют трехлопастным кривым западного и восточного фасадов, как будто прямо отвечая за эту форму и «объясняя» ее, тогда как кривые боковых фасадов соответствуют лишь сводам рукавов креста, а по краям это стенки, за которыми свода нет (он находится ниже, причем к стене примыкает лишь его горизонтальное основание). А в церкви Власия получилось так, что восточная треть в целом соответствует трехлопастной кривой восточного фасада, тогда как на западном фасаде по краям мы видим декоративные стенки, а сводам отвечают западные трети боковых фасадов.

Причину появления подобных сводов в западной трети, точнее, не самих полукобровых сводов, а их необычного поворота, следует видеть как раз в понижении храма, хотя и здесь его объяснить трудно. Но если представить себе, что в южном приделе на хорах свод был бы сделан на обычный манер, то есть начинался бы на южной стене, то небольшая высота не позволила бы устроить в этой стене окно, освещающее придел [ил. 10]. С запада же окно устроить вообще было нельзя, поскольку с этой стороны к храму примыкала какая-то пристройка, из которой был сделан второй портал в южной трети западной стены. Эта пристройка (может быть, ее крыша) поднималась, видимо, довольно высоко и заслоняла южную часть западного фасада (в северной части этого фасада, напомним, окно было сделать можно). В таком случае потребовалось устроить свод, поднимающийся от запада к востоку; такой свод в своей «щеке» с юга дает возможность устроить окно. Для справедливости скажем, что в северо-западном углу окна при таком же своде устроены и с запада (но тут могло не быть уже крыши пристройки), и с юга.

В любом случае объяснения появления необычного направления западных полукобровых сводов церкви Власия, поднимающихся к востоку (а не к середине), не слишком убедительные, перед нами исключительный случай нарушения традиции и даже некоей логики. И низкие полукобровые своды с востока и столь же низкие, но такие по-другому направленные своды говорят о каких-то не совсем удачных поисках мастеров.

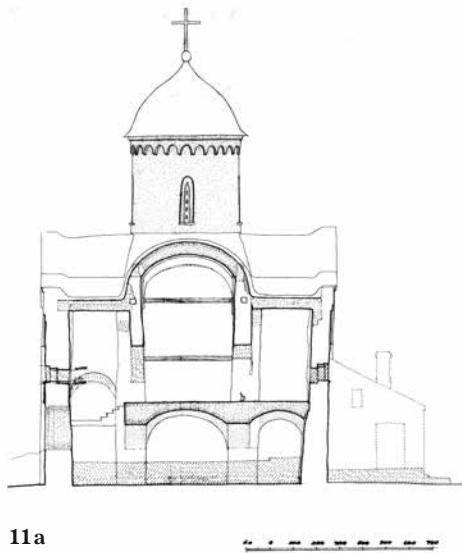
Все вместе, и эти своды, и низкие арки под хорами со стороны западного рукава креста, и «свободные» восточные столбы с разновысотными арками, и общие квадратные пропорции поперечного разреза, говорит о том, что новгородская архитектура в этом памятнике пошла по линии снижения высоты и создания спокойного и довольно инертного по своим формам интерьера, в котором основную роль играли довольно широкие и невысокие рукава пространственного креста, которые подчеркивались освещением: сдвоенными окнами второго света и крестообразно расположенными окнами в люнетах рукавов креста, освещавших, как и в других памятниках того времени, зону сводов.

Восточная пара столбов, свободная для обозрения на большую высоту за счет высоких арок, перекинутых от этих столбов к стенам, не представляет собой новшества. Подобные свободные столбы мы наблюдаем, например, в монастырских храмах середины XIV в.: Спаса на Ковалёве (1345) и Успения на Волотовом поле (1352). В большинстве новгородских храмов XIII–XIV вв. столбы были или «полусвободными», то есть с низкими арками в межалтарных стенках и высокими — со стороны боковых рукавов креста (Рождества Богородицы Перынского монастыря начала XIII в., Николы на Липне 1292 г.), или связанными, то есть имели промежуточные по высоте перевязи со стенами в среднем уровне, где от них к стенам были перекинуты воздушные арки, создававшие двухъярусность арочных проемов.

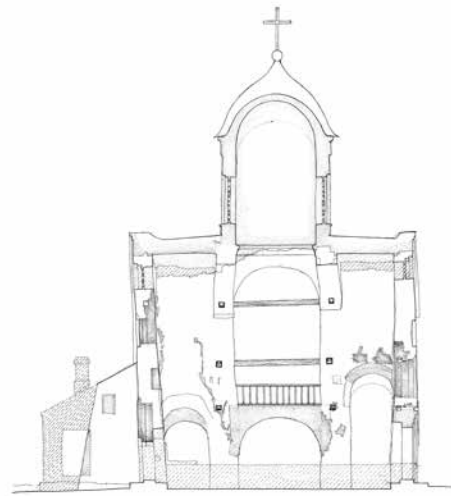
Двухъярусность восточных углов и связанность восточной пары столбов может быть объяснена высотой храмов, которая требовала от зодчих большей устойчивости. Эта двухъярусность была связана с поздней башнеобразностью, то есть с вертикальностью таких церквей, как Фёдора Стратилата на Фёдоровой улице (1360–1361), Спаса-Преображения на Ильине улице (1374), Рождества Христова на Поле (1381–1382), Иоанна Богослова на Витке (1383–1384), Петра и Павла в Кожевниках (1406). Как только общая высота снизилась, исчезла и двухъярусность восточных углов храмов. Подчеркнем, что исчезновение этой формы происходило именно в начале XV в.: последний раз мы видим двухъярусные арки в восточных углах в церкви Петра и Павла в Кожевниках, а уже на следующий год в церкви Власия их нет, столбы свободные.

Одним из самых сложных вопросов конструктивного решения церкви Власия является вопрос об устройстве хор. Архитектор-реставратор показал в трех отделениях западной части невысокие кобровые своды со щельгами запад-восток, несущие площадку хор. Основания для такой реконструкции были: в средней и южной части хор кобровые своды и основания ограничивавших их арок сохранились в виде срубленной кладки на западной стене. На основании этих отпечатков и были Д.Ф. Фёдоровым восстановлены каменные хоры. Следует сказать, что в северной трети хор наличие каменных сводов не документировано: отпечатки не видны на обмерных чертежах. Возможно, что своды были только в средней и южной частях.

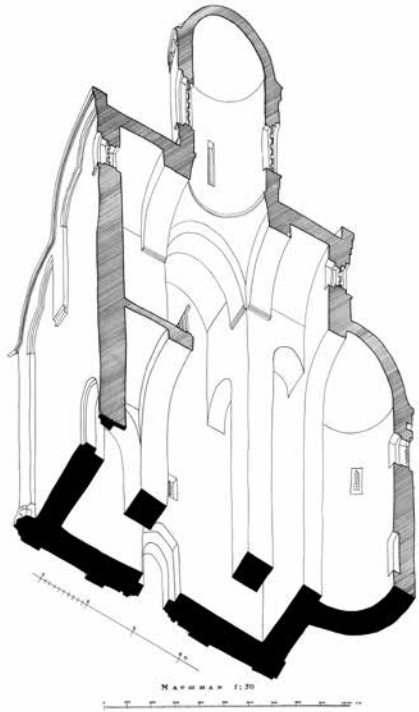
В любом случае перед нами очень редкий случай устройства каменной площадки хор в новгородской архитектуре XIV–XV вв. — после церкви Фёдора Стратилата (1360–1361) на Фёдоровой улице [Седов, 1997]. Каменные хоры придавали особенность западной трети этого памятника и, как и в церкви Фёдора Стратилата, фактически разрезали западный рукав креста на две части. Вид на подкупольное пространство возникал не от западного входа в храм, а после прохода под средней частью хор. То есть внизу крестообразность рукавов креста была сильно изменена. По сравнению с более обычными деревянными площадками в средней трети хор каменные своды сообщают этой части храма черты монументализма. Зато на площадке хор возникало камерное пространство, которое включало собственно площадку в западном рукаве и несколько обособленный от нее аркой придел в южной трети.

11a

11b

12

ил.11 Поперечный разрез по восточной трети с видом на восток (VI-VI, а) и продольный разрез по северной части с видом на север (VII-VII, б). Чертеж Д.М.Фёдорова, 1955

fig.11 Cross section along the eastern third with a view to the east (VI-VI, a) and a longitudinal section along the northern part with a view to the north (VII-VII, б). Drawing by D. M. Fedorov, 1955

ил.12 Аксонометрический разрез (IX-IX). Чертеж Д.М.Фёдорова, 1955

fig.12 Axonometric section (IX-IX). Drawing by D. M. Fedorov, 1955

Следует сказать несколько слов относительно восхода на хоры. Мы видим [ил.11], что арка, ведущая из северного рукава креста на запад, выше, чем подобная арка, ведущая на запад из южного рукава креста. Это понятно: южная арка вела под придел, а северная позволяла устроить наклонную лестницу для восхода на хоры, поднимающуюся с востока на запад, как и многие другие лестницы новгородских храмов (и как каменная лестница в церкви Фёдора Стратилата). Раскопок в храме не проводилось, поэтому мы ничего не можем судить о возможном основании такой лестницы. Отпечатков каменной конструкции на северной и западной стенах северо-западной угловой части храма на обмерных чертежах не видно. Для подтверждения существования каменной лестницы на хоры нужны дополнительные сведения. Скорее всего, лестница была деревянной.

Придел Иоакима и Анны на хорах был открыт к северу, в сторону площадки, невысокой аркой и, как уже было сказано, перекрыт необычно ориентированным полукоробовым сводом, поднимающимся к востоку. С востока он был отделен от рукава креста глухой стенкой. В таком виде этот придел напоминает сходно устроенный придел на хорах церкви Спаса-Преображения на Нередице (1198). Если не учитывать иную форму свода (в Нередице — коробового), а также не обращать внимания на маленькую апсиду в толще восточной стены в церкви Спаса (которой в церкви Власия нет), то сравнение этих приделов показывает силу традиции в новгородской архитектуре.

Очистив остов церкви Власия на Волосове улице от поздних наслоений (их оставалось немного после сноса поздних пристроек, притвора с юга, трапезной с запада и колокольни) и тех дополнений, которые были созданы архитектором-реставратором Д.М.Фёдоровым, мы видим, что перед нами памятник показательный: он говорит о снижении высоты вообще и вертикальности в частности, об отходе от башнеобразного типа храма в сторону кубичности. Он также свидетельствует об освобождении восточных столбов от промежуточных арок, что было связано также с небольшой высотой всего храма. Это же определило невысокие пропорции фасадов и наличие всего трех уровней окон.

Нечто не совсем понятное произошло с полукоробовыми сводами в углах. На востоке они расположены обычно и лишь поднимаются не так энергично, как в башнеобразных храмах. Подобный слабый подъем полукоробовых сводов мы увидим в более поздних новгородских памятниках, например в церкви Климента на Иворове улице (1519). Но на западе зодчие церкви Власия сменили направление подъема этих сводов, что, возможно, свидетельствует о каком-то стремлении к новому, к эксперименту, но само это стремление не было до конца осмыслено, а потому не привело к ясным результатам.

В целом памятник может быть понят как некое отступление от предыдущего правила, возвращение от башнеобразности к каким-то монументальным формам первой половины XIV в. (Спаса на Ковалёве) или даже домонгольским (Спаса на Нередице). Этот процесс станет яснее, если мы вспомним также памятники второй половины XV столетия, в которых определенный монументализм

и сдержанность при невысоких пропорциях в принципе родственны тому, что мы наблюдаем в достоверно известных формах церкви Власия. Укажем лишь на церковь Дмитрия Солунского на Славкове улице (1463–1464), где пропорции почти кубические, но где внутри уже было сразу вставлено подцерковье, что «съело» часть высоты самого храма внутри. В церкви Власия подцерковья еще не было (сам обычай его устройства возникнет несколько позже, в середине того же столетия), он так и остался традиционным храмом, «стоящим на земле».

Но в нем отразилось такое направление новгородского зодчества, которое можно видеть как антитезу вертикализму и башнеобразности. В целом новгородскую архитектуру конца XIII — первой половины XVI вв. можно видеть как поле борьбы этих двух направлений, вертикализма и широтности, причем были периоды господства одного из них, но были и неустойчивые периоды, когда ни одно направление не брало верх над другим. Широтность храма в церкви Власия сказалась определенно, а потому построенный Д.М. Фёдоровым аксонометрический разрез этого храма снизу^[илл. 12] все же, скорее, не передает того впечатления, какое в действительности дает интерьер памятника и весь его внешний облик; может быть, некоторая высотность на чертеже возникает за счет свободных восточных столбов, высоты барабана (подлинных вертикальных размеров которого мы просто не знаем) или даже просто за счет вида снизу. В реальности храм все же тяжелее и, повторимся, более широкий.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В.Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л.: Наука, 1989. С. 219–223.
- Антипов И.В., Соленикова Е.В. Формат новгородских брусковых кирпичей конца XIII — середины XV вв. // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 121–128.
- Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. Сб. ст. М.: Наука, 1964. С. 183–263.
- Гордиенко Э.А., Ядрышников В.А. Церковь Власия (епископа Севастийского) // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. 550 с.
- Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и новгородских пятинах, составленная при новгородском архиепископе Александре (1577–1589) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 24. М.: в Университетской тип., 1856. С. 29–39.
- Каргер М.К. Новгород Великий. Л.; М.: Искусство, 1961. 309 с.
- Кузьмина Н.Н. Церковь сщм. Власия // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Кат. / Сост. и науч. ред. М.И. Мильчик. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. 654 с.

- Кузьмина Н.Н., Петров Д.А. Раскопки М.Х. Алешковским руин собора Рождества Богородицы Десятинного монастыря в Новгороде // Новгородские древности / Архив архитектуры. Вып. IV. М.: Об-во историков архитектуры, 1993. С. 18–37.
- Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Десятинный монастырь в Великом Новгороде. Великий Новгород: б.и., 2000. 31 с.
- Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М.: В тип. В.Готье, 1860. 654 с.
- Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М.: Институт истории СССР, 1988. 308 с.
- Опись Новгорода 1617 года. Ч. I–II. М.: АН СССР, 1984. 370 с.
- ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки славянской культуры, 2000. 240 с.
- ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 221 с.
- ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 367 с.
- Седов Вл.В. Церковь Фёдора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. Вып. IX. М.: Об-во историков архитектуры, 1997. С. 3–43.
- Седов Вл.В. Церковь Петра и Павла на Славне в Новгороде // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 2. М.: ДПКпресс, 2011. С. 188–211.
- Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л.: б.и., 1939. 253 с.
- Штендер Г.М. Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. // Советская археология. 1966. № 2. С. 210–232.
- Штендер Г.М. Новгородское зодчество. Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968. С. 347–357.
- Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (Проблемы реставрации). М.: Искусство, 1981. С. 43–72.
- Шуляк Л.М. Об архитектуре Новгорода. Сборник статей. Новгород: б.и., 1998. 54 с.
- Ядрышников В.А. Чудо возрождения. СПб.: Крига, 2017. 367 с.
- Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 108–117.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Церковь Власия в Новгороде. Часть I: структура

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Седов Владимир Валентинович — профессор, доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292. sedov1960@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена публикации сведений о церкви Власия на Волосове улице (1407) в Новгороде. Это памятник новгородской архитектурной школы, стоящий в центре города, отреставрированный в 1950-е гг. по проекту архитектора Д.М. Фёдорова, остается практически неизученным за счет того, что не были изданы материалы середины XX в.,

посвященные исследованию и реставрации памятника. Реставрированные формы здания как будто заслонили собой первоначальную архитектуру. С опорой на графические источники автор показывает те подлинные части конструкции, на основании которых можно судить о квадратных, широких пропорциях храма, а также рассказывает о столбах, сводах и внутренних перегородках, позволяющих судить об организации внутреннего пространства этого здания. Храм сравнивается с одновременными и более ранними постройками новгородской архитектуры.

Ключевые слова

Русское средневековое зодчество, начало XV века, Великий Новгород, церковь Власия, архитектура, конструкция, своды.

ТITLE

The church of St. Blaise in Novgorod. Part I: structure

AUTHOR

Sedov, Vladimir Valentinovich — Full Doctor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, principal researcher, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulianov St., 19, 117292 Moscow, Russian Federation. sedov1960@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the Church of St. Blasius on Volosov Street (1407) in Novgorod. This monument of the Novgorod architectural school, standing in the city center, restored in the 1950s according to the project of the architect D.M. Fedorov, remains practically unstudied due to the fact that materials from the middle of the 20th century devoted to the research and restoration of the monument were not published. The restored forms of the building seemed to obscure the original architecture. Based on graphic sources, the author shows those genuine parts of the structure, on the basis of which one can judge the square, wide proportions of the temple, and also talks about the pillars, vaults and internal partitions, which allow to analyze the organization of the internal space of this building. The temple is compared with contemporaneous and earlier buildings of Novgorod architecture.

KEYWORDS

Russian medieval architecture, early 15th century, Veliky Novgorod, Church of Blaise, architecture, construction, vaults.

REFERENCES

- Andreev V.F. New list of the "List of the Churches Depending on Seven Cathedrals" of Novgorod. *Novgorodskij istoricheskij sbornik (Novgorod historical articles)*, vol. 3 (13). Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 219–223 (in Russian).
- Antipov I.V., Solenikova E.V. Format of Novgorod square bricks of the late 13th — mid-15th centuries. *Drevnie kul'tury i tekhnologii. Novye issledovaniya molodyh arheologov Sankt-Peterburga (Ancient cultures and technologies. New research by young archaeologists of St. Petersburg)*. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1996, pp. 121–128 (in Russian).

- Gladenko T.V., Krasnorechye L.E., Shtender G.M., Shulyak L.M. Architecture of Novgorod in the light of recent research. *Novgorod. K 1100-letiyu goroda. Sbornik statej (Novgorod. To the 1100th anniversary of the city. Collection of articles)*. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 183–263 (in Russian).
- Gordienko E.A., Yadrishnikov V.A. Church of Blaise (Bishop of Sebaste). *Velikij Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov. Enciklopedicheskij slovar' (Veliky Novgorod. History and culture of the 9th–17th centuries. Encyclopedic Dictionary)*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007. 550 p. (in Russian).
- Karger M.K. *Novgorod Velikij (Novgorod Veliky)*. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1961. 309 p. (in Russian).
- Kuzmina N.N. Church of Hieromartyr Blaise. *Arhitekturnoe nasledie Velikogo Novgoroda i Novgorodskoj oblasti. Katalog (Architectural heritage of Veliky Novgorod and the Novgorod region. Catalog)*. Comp. and ed. by M.I. Milchik. 2nd ed., corrected and expanded. Saint Petersburg, Fond sodejstviya restavracii pamyatnikov istorii i kul'tury «Spas», informacionno-izdatel'skaya firma «Liki Rossii» Publ., 2014. 654 p. (in Russian).
- Kuzmina N.N., Filippova L.A. *Desyatinnij monastyr' v Velikom Novgorode (Desyatinnij Monastery in Veliky Novgorod)*. Veliky Novgorod: without publisher, 2000. 31 p. (in Russian).
- Kuzmina N.N., Petrov D.A. Excavations by M.Kh. Aleshkovsky of the ruins of the Cathedral of the Nativity of the Virgin Mary of the Desyatinnij Monastery in Novgorod. *Novgorodskie drevnosti. Arhiv arhitektury. Vyp. IV (Novgorod Antiquities. Archive of Architecture, vol. IV)*. Moscow, Obshchestvo istorikov arhitektury Publ., 1993, pp. 18–37 (in Russian).
- Macarius, archimandrite. *Arheologicheskoe opisanie cerkovnyh drevnostej v Novgorode i ego okrestnostyah. Ch. I (Archaeological description of church antiquities in Novgorod and its environs. Part I)*. Moscow, v tipografii V. Got'e Publ., 1860. 654 p. (in Russian).
- Novgorod Velikij v XVII v. Dokumenty po istorii gradostroitel'stva (Veliky Novgorod in the 17th century. Documents on the history of urban planning)*. Moscow, Institut istorii SSSR Publ., 1988. 308 p. (in Russian).
- Opis' Novgoroda 1617 goda. Ch. I–II (Inventory of Novgorod 1617, part I–II)*. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1984. 370 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisei. T. 16. Letopisnyj sbornik, imenuemyj letopis'yu Avraamki (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 16. Chronicle collection, called the Chronicle of Abraham)*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000. 240 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisei. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 3. Novgorod first chronicle of the older and younger editions)*. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 720 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisei. T. 4. Ch. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 4, part 1: Novgorod fourth chronicle)*. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 728 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisei. T. 42. Novgorodskaya Karamzinskaya letopis' (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 42. Novgorod Karamzin Chronicle)*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2002. 221 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkih letopisei. T. 43. Novgorodskaja letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 43. Novgorod Chronicle under the list P.P. Dubrovsky)*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 367 p. (in Russian).
- Record of the district churches and monasteries in Novgorod and Novgorod Pyatina, compiled under the Novgorod Archbishop Alexander (1577–1589). *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej rossijskih (Almanac of the Imperial Moscow Society of History and Russian Antiquities), book 24*. Moscow, v Universitetskij tipografii Publ., 1856, pp. 29–39 (in Russian).

- Sedov V.I. Church of Peter and Paul on Slavna in Novgorod. *Issledovaniya po istorii arhitektury i gradostroitel'stva*, vyp. 2 (Research on the history of architecture and urban planning, iss. 2). Moscow, DPKpress Publ., 2011, pp.188–211 (in Russian).
- Sedov V.I. Church of Theodore Stratelates in Novgorod. *Arhiv arhitektury*. Vyp. IX (Archive of Architecture, iss. 9). Moscow, Obshchestvo istorikov arhitektury Publ., 1997, pp.3–43 (in Russian).
- Shtender G.M. Novgorod architecture. Works of the Novgorod restoration workshop for 20 years. *Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennaya kul'tura Novgoroda (Medieval Russian art. Artistic culture of Novgorod)*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp.347–357 (in Russian).
- Shtender G.M. Novgorod Church of Peter and Paul in Kozhevniky 1406. *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)*, 1966, no. 2, pp.210–232 (in Russian).
- Shtender G.M. Restoration of monuments of Novgorod architecture. *Vosstanovlenie pamyatnikov kul'tury (Problemy restavratsii) (Restoration of cultural monuments (Problems of restoration))*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, pp.43–72 (in Russian).
- Shulyak L.M. *Ob arhitekture Novgoroda. Sbornik statej (About the architecture of Novgorod. Collection of articles)*. Novgorod: without publisher, 1998. 54 p. (in Russian).
- Strokov A., Bogusevich V. *Novgorod Velikij (Veliky Novgorod)*. Leningrad, without publisher, 1939. 253 p. (in Russian).
- Yadryshnikov V.A. *Chudo vozrozhdeniya (Miracle of Revival)*. Saint Petersburg: Kriga Publ., 2017. 367 p. (in Russian).
- Yanin V.L. "List of the Churches Depending on Seven Cathedrals" of Novgorod. *Srednevekovaya Rus' (Medieval Rus')*. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp.108–117 (in Russian).

А.М. Манукян

Образ Благоразумного разбойника из собрания Музея русской иконы имени Михаила Абрамова: Иконография

© 2023

УДК 27.526.62(470)"15"
ББК 85.14
М23

Поступила в редакцию 31.10.2023

Помимо выдающихся художественных качеств, о которых подробно говорилось в первой части исследования [Манукян, 2023], образ Благоразумного разбойника [ил. 1] обращает на себя внимание и весьма необычной иконографией. Икону стоит отнести к одним из ранних дошедших до нас древнерусских примеров самостоятельного, единоличного изображения Благоразумного разбойника. Полуобнаженный, в препоясании, с восьмиконечным крестом, он увенчан нимбом, окружен деревьями и осенен аркой, символизирующей вход в Рай. Таким он представлен на створках складня новгородской работы из Кирилло-Белозерского монастыря рубежа XV–XVI вв. [Русские монастыри, 1997. С. 40] или на северной двери иконостаса придела собора Архангела Гавриила Благовещенского собора Московского Кремля (1560-е гг.) [Качалова, Маясова, Щенникова, 1990. С. 68–69; Пивоварова, 2002. Ил. с. 314]. Вместе с тем образ из МРИ обнаруживает и необычные иконографические элементы, не свойственные известным изображениям разбойника, как самым ранним, так и более поздним. Разбойник держит свиток в правой руке, а левой указывает на крест за его спиной [ил. 2], тогда как в большинстве дошедших до нас примеров свиток в руках изображается слева, а крест — на правом плече. Манера изображения препоясания, открывающего чрезмерно много плоти, как кажется, также не имеет параллелей. Впрочем, описанные особенности иконографии нельзя считать уникальными. На фотографии иконостаса Троицкой церкви в погосте Ненокса прочитывается изображение северной двери, повторяющее все отмеченные иконографические аномалии [Храмовый комплекс в селе Ненокса, 2013. Ил. 5. С. 9].

Образы разбойника со свитком в руке довольно редки. В известных нам примерах подобных изображений на свитке в его руках бывают написаны слова, вложенные евангелистом Лукой в уста распятого на кресте Разбойника